

Образ родителей и представленность отношений с ними у подростков

Л.Ф. Фомичева,
аспирантка МГППУ, педагог-психолог
ГОУ СОШ № 537

Цель проведенного исследования состояла в том, чтобы выявить соотношение между представлениями об отношениях с родителями, характером образа родителей и «Образа-Я» подростков. В исследовании принимали участие 30 подростков в возрасте от 11 до 14 лет и их матери, т. е. 30 пар «мать – ребенок». Представления о родителях (образ матери и отца) изучались с помощью следующих методик: модифицированного варианта теста 20 утверждений М. Куна, беседы-описания родителей в предложенных обстоятельствах. Для исследования «Образа-Я» подростков использовались модифицированный вариант теста 20 утверждений М. Куна, стандартизированные самоотчеты (шкала детской «Я-концепции» Пирса–Харриса). Особенности представлений об отношениях с родителями выявляли с помощью следующих методик: опросника «Взаимодействие «родитель – ребенок» (ВРР – симметричный вариант), структурированного интервью, разработанного нами для определения преобладающих типов взаимоотношений членов семьи и позиций по отношению друг к другу. Было установлено, что подростки, имеющие благоприятные отношения с родителями, обладают дифференцированными, эмоционально насыщенными и объемными представлениями о своих родителях. Подростки, имеющие неблагоприятные, конфликтные отношения с родителями, обладают недифференцированными, уплощенными представлениями о своих родителях. Эти данные подтверждают предположение о существовании определенного соотношения между характером образа родителей (матери и отца) со стороны их эмоциональной насыщенности, содержательной полноты и «многомерности» и представленностью отношений с ними у подростков (со стороны их конфликтности, деструктивности и т. п.).

Ключевые слова: образ, отношение, межличностное восприятие, «Образ-Я», детско-родительские отношения, подростковый возраст.

Постоянство возникающих конфликтов подростков с родителями заставляет снова и снова возвращаться к изучению специфики отношений с окружающими в подро-

стковом возрасте. Последние годы отмечены интересными отечественными исследованиями, обращенными к проблеме восприятия подростками их отношений с ро-

дителями (О.А. Карабанова, А.И. Подольский, Л.И. Вассерман, Е.Е. Ромицына), в первую очередь к проблеме восприятия подростками родительских позиций и возрастным аспектам детско-родительских отношений. Однако представления подростков об отношениях с родителями в преломлении через образ родителей как личностей (может быть, точнее – «человеческий» образ) и «Образ-Я» подростка, эмоциональный ракурс этих представлений остаются малоизученными.

Исследование и было направлено на выявление соотношения между представлениями подростков об отношениях с родителями, характером образа родителей (матери и отца) и «Образ-Я» подростка.

Образ как результат межличностного восприятия выполняет не только осведомительную, но и регулятивную функцию [5, 10]. Образы определяют стиль и характер взаимодействия, ориентируют в ситуации общения и способствуют выбору средств воздействия на человека.

Наряду с «Образом-Я» и образом другого человека существуют образы отношений. Представления об отношениях с отцом, матерью и другими людьми также выполняют регулируемую функцию в развитии взаимоотношений с другими. Опыт отношений с матерью, отцом, характер этих отношений формируют у ребенка определенный образ родителей. В дальнейшем сложившиеся образы матери и отца уже сами начинают определять специфику детско-родительских отношений. На отношения с родителями в подростковом возрасте, с нашей точки зрения, существенное влияние оказывает образ друга. В подростковом возрасте изменяется структура отношений подростка с окружающими. Сепарация от родителей, приобретение подростком автономии являются важным условием становления личности. Обособление от родителей необходимо для выделения Я подростка и осознания себя как уникального и неповторимого. В подростковом возрасте происходит переориентация подростка на отношения со сверстниками, общение становится основным со-

держанием его жизни. Общение с друзьями, нормы подростковой субкультуры формируют определенное представление о родителях. Так, М.В. Розин, изучавший неформальные подростковые группы, выявил, что образ родителей у подростков из неформальных групп в большинстве случаев окрашен негативно. Конфликты с родителями являются предметом гордости в подобных субкультурах, а это, в свою очередь, определяет негативный характер и содержание образа отца и матери [3].

Интимная дружба, которая зарождается в подростковом возрасте, служит важным ресурсом и поддержкой подростку в период обретения им автономии и отделения от родителей. И естественно, что образ друга (дружбы) оказывает влияние на формирование представлений об отношениях с родителями.

Еще одним фактором, определяющим отношения с родителями в подростковом возрасте, является «Образ-Я» подростка. В структуру «Образ-Я» входит как знание человека о своих особенностях (когнитивный компонент), так и отношение к себе (аффективный компонент). По мнению В.В. Столина, «Образ-Я» подростка, как и самосознание в целом, на когнитивном и эмоциональном уровнях детерминирует отношение человека к окружающим, а также определяет стиль и характер общения с ними [15].

В настоящей статье рассматривается лишь один аспект данной проблемы – взаимосвязь образа родителей (отца и матери) и представлений об отношениях с ними у подростков.

Известно, что образ является важнейшей компонентой действий субъекта, ориентирующей его в конкретной ситуации, направляющей на достижение поставленной цели. В образ человека включается обобщенное знание о данной категории людей [1, 5]. По мнению А.А. Бодалева, «достижение положительного результата в общении, как правило, связано с адекватным чувственным отражением друг друга общающимися субъектами, накоплением и правильным обобщением ими информа-

ции друг о друге. Отрицательный результат в общении часто оказывается следствием неадекватного отражения общающимися друг друга, недостатка знаний и неправильного истолкования информации, которой каждый из них располагает» [1, с. 6].

Значительная часть коммуникативного опыта людей фиксируется в виде эталонов и стереотипов, которые нередко мешают адекватному восприятию и пониманию другого человека, а также нарушают процесс общения (У. Липпман, Ф. Хайдер, Г.М. Андреева, А.А. Бодалев, А.И. Донцов).

Эмоциональное отношение к человеку – это обязательное проявление оценивания, основной признак формирующихся понятий и представлений. Например, исследования В. Виттрайха и К. Готтшальдта [см.: 1, с. 46] показывают, что дети 10 лет склонны воспринимать своих родителей более красивыми, чем самих себя или других людей. В противоположность этому подростки склонны приукрашивать собственные характеристики и более адекватно описывать родителей и посторонних.

Восприятие как родителей, так и других людей зависит от возраста человека, культуры и отношения к воспринимаемому. Знание о предмете или человеке (представление о чем-то) имеет двойственную природу: с одной стороны, оно выступает как единица общественного сознания, а с другой – как образующая индивидуального сознания [10]. К примеру, образ «хорошего родителя» формируется через непосредственное подражание, усвоение опыта родительской семьи, под влиянием прочитанных книг, каналов массовых коммуникаций и обуславливает формирование нравственных критериев, «идеальных мерок», с которыми индивид подходит к оценке себя и других [2, 16]. С возрастом человека увеличивается размерность, число независимых факторов – категорий или личностных конструктов, которые входят в семантическое пространство каждого. По мнению Дж. Келли, разработавшего теорию личностных конструктов, у каждого человека существуют индивидуально-личностные эта-

лоны восприятия окружающего мира, себя и других людей [7]. «Под личностными конструктами понимается система бинарных оппозиций, используемых субъектом для категоризации себя и других людей» [10, с. 68]. Человек судит об окружающем мире с помощью тех понятийных систем, которые создает сам. Причем каждый конструкт имеет два противоположных полюса. Например, интерпретация поведения другого зависит от того, какими категориями человек пользуется. Чем шире набор личностных конструктов, тем более дифференцированным является представление о себе и другом человеке.

В течение подросткового периода у ребенка совершенствуется восприятие другого человека, увеличивается число описательных категорий, растет гибкость и определенность в их использовании; повышается уровень избирательности, последовательности, сложности и системности информации о человеке, используются все более тонкие оценки и связи; улучшается способность анализировать и объяснять поведение человека; появляется забота о точном изложении материала, желание сделать его убедительным [1].

Помимо образа своих родителей у подростков формируется представление об отношениях с ними. Отношение – психологический феномен, сутью которого является возникновение у человека психического образования, аккумулирующего в себе результаты познания конкретного объекта действительности, интеграции всех составляющих эмоциональных откликов на этот объект, а также поведенческих ответов на него. В.Н. Мясищев считал, что «отношение – сила, потенциал, определяющий степень интереса, степень выраженности эмоции, степень напряжения желания или потребности» [9, с. 206].

Как показывают исследования последних лет [12], потребность в общении с родителями в подростковом возрасте не исчезает, но эмансипация и стремление к независимости от родителей часто становятся причинами конфликтных отношений подростков с отцом и матерью. Существу-

ют разные точки зрения на причины такого поведения. Так, Л.С. Выготский связывал отчуждение, негативизм и протесты подростков с прохождением ими фазы влечений, при которой разрушаются старые интересы и происходит активизация органических влечений [4]. Д.Б. Эльконин и Т.В. Драгунова объясняли конфликтность и негативизм подросткового возраста отсутствием принятия и должного отношения родителей к «чувству взрослости», которое возникает у подростка. А. Фрейд [16] считала, что конфликтность подростков возникает как следствие процесса отчуждения от родителей, который выступает в качестве защиты от инцестуозных влечений, а также от попыток подростков по-новому, более реалистически оценить своих родителей, основываясь не на детской эмоциональной привязанности, а на объективном сравнении их с другими взрослыми. В процессе отчуждения подростка от родителей немалую роль играют характерные для этого возраста особенности личности и мышления. Это и личностный эгоцентризм, который проявляется в феноменах «воображаемой аудитории», «личного мифа» и т. д. (Д. Элkind), и возникшая способность к формальным операциям, гипотетическим рассуждениям (Ж. Пиаже). Появление формальных операций позволяет подростку строить сложные мыслительные конструкции, рассуждать о процессе собственного мышления и анализировать мышление других людей. Но подростку еще сложно отделить собственные чувства от тех, которые принадлежат другим людям. Подростки часто приписывают окружающим те мысли и чувства, которые волнуют их самих. К тому же их мыслительные достижения мало связаны с реальностью. «Абстрактные интеллектуальные обсуждения и размышления, которым предаются подростки, – это вовсе не попытки решить задачи, поставленные реальностью. Их мыслительная активность есть скорее показатель напряженной настроенности по отношению к инстинктивным процессам и перевод того, что они воспринимают, в абстрактное мышление» [16, с. 128].

Чрезмерная центрация на себе, некоторая «выхолощенность», оторванность от реальности мышления, которую отмечали и Ж. Пиаже, и А. Фрейд, вероятно, могут приводить подростков к такому же «выхолощенному», одностороннему, формальному представлению о своих родителях. Ведь подростки расценивают свои чувства как уникальные и неповторимые, поэтому им просто не приходит в голову, что их родители такие же люди, как и они сами. Поскольку задачей возраста является обретение автономии, самостоятельности и независимости, подростки стремятся отделиться от родителей и освободиться от их контроля. А так как отстраняться и отталкиваться легче от чего-то абстрактного, обобщенного, эмоционально незначимого или отрицательно окрашенного, возможно, поэтому в большинстве случаев представления подростков об их отношениях с родителями предстают как односторонние, негативные, конфликтные, ущемляющие их права.

Мы полагаем, что представления об отношениях с родителями формируются на пересечении трех составляющих: «Образа-Я» подростка, образа родителей (матери, отца) и образа друга. Эти представления образуют целостную систему, которая, с одной стороны, формируется на основе представлений подростка о его отношениях с родителями, а с другой – определяет специфику этих отношений.

Цель нашей работы состояла в том, чтобы выявить соотношение между представлениями об отношениях с родителями, характером образа родителей и «Образа-Я» подростков. (Материалы, касающиеся образа друга, в настоящей статье не представлены.)

Исследовательские гипотезы

Подростки, представляющие свои отношения с родителями как эмоционально близкие и удовлетворяющие их, описывают родителей более дифференцированно, полно, характеризую их по многим параметрам.

Подростки, представляющие свои отношения с родителями как эмоционально от-

страненные и не удовлетворяющие их, имеют эмоционально обедненные, уплотненные, недифференцированные представления о родителях.

Задачи исследования состояли в том, чтобы:

выявить и сопоставить особенности представления подростков об отношениях с родителями и особенности представления родителей об отношениях с подростками (удовлетворенность отношениями, степень эмоциональной близости и т. д.);

установить особенности образа родителей у подростков (эмоциональный тон, полнота, насыщенность конкретными деталями, структура и семантика образа) и сопоставить их с особенностями образа себя у подростков по тем же параметрам;

соотнести образ отца и матери с представлениями об отношениях с ними у подростков и с представлениями подростков о себе;

выявить возрастную динамику в структуре образа родителей на протяжении подросткового возраста (11–14 лет);

описать различия в представлениях о родителях, наблюдающиеся у мальчиков и девочек в подростковом возрасте.

Методика

Участники исследования. В исследовании принимали участие 30 подростков в возрасте от 11 до 14 лет (15 мальчиков и 15 девочек) и их матери, т. е. 30 пар «мать – ребенок».

Процедура исследования. Подростков и их матерей просили принять участие в исследовании особенностей детско-родительских отношений. Родителям предлагали ответить на вопросы, позволяющие узнать особенности их ребенка. С подростками проводили структурированное интервью, которое фиксировалось при помощи диктофона, а также ряд психологических тестов, предъявляемых в случайной последовательности.

Использованные методики.

1. Представления о родителях (образ матери и отца) изучались с помощью следующих методик:

а) модифицированный вариант теста М. Куна «20 утверждений». Письменно подростку предлагалось представить 20 утверждений – ответов на вопросы: «Какая у меня мама?», «Какой у меня папа?»;

б) беседа-описание родителей в предложенных обстоятельствах. Подростка просили устно описать родителей в предложенных экспериментатором воображаемых обстоятельствах. Содержания ситуаций, в которых следовало описывать родителей, ставили подростков перед необходимостью придумывать, сочинять, домысливать то, с чем они не сталкивались в реальной жизни.

Предлагаемые обстоятельства:

1. Какой твоя мама (папа) была в твоём возрасте?

2. Опиши маму (папу) в самый счастливый момент ее жизни.

3. Расскажи, какой была твоя мама (папа) на свадьбе.

4. Как ты думаешь, какой была твоя мама (папа) в тот момент, когда ты только родился?

5. Как ты думаешь, что бы мама рассказала о тебе своей подруге?

6. Как ты думаешь, что бы папа рассказал о тебе своему другу?

7. Что бы ты сам рассказал своему другу о маме (папе)?

Модифицированный вариант теста М. Куна «20 утверждений» обрабатывали следующим образом. Во-первых, оценивали полноту, объемность, дифференцированность образа отца и образа матери. Каждое определение подростка было отнесено к одной из выделенных нами категорий (характер, внешность, ум, увлечения, социальный статус и т. д., всего 10 параметров). Во-вторых, выявляли наиболее часто употребляемые параметры, с помощью которых подростки описывали себя и своих родителей. Для этого считали, какой параметр (характеристику) при описании своих родителей каждый подросток использовал чаще всего. Затем на основе этих данных характеристики были ранжированы от более популярных и часто используемых к менее используемым. В-тре-

тых, оценивали наличие категорий, описывающих мать (отца) как любящую, близкую, заботливую, любимую и т. д.

За описание матери (отца) с использованием таких слов, как *любимая, любящая, родная* и т. п., начислялся 1 балл, например: «Мама – это человек, которого я люблю, ангел, добрая, красивая, умная, жена, мать, счастливая, радостная, нужный человек в семье, хозяйка, нуждающаяся в любви, заботливая, самая лучшая, дружелюбная, верная» (исп. Саша Т., 12 лет).

За описания родителей, в которых подстройки обходились без подобных определений, – 0 баллов, например: «Мама – красивая, высокая, умная, вежливая, может поругать, может сделать за меня какой-нибудь предмет, аккуратная, добрая, спокойная, помогает по всем предметам, покупает мне одежду» (исп. Вова Б., 13 лет).

Беседа-описание родителей в предложенных обстоятельствах позволяла выявить не только особенности описания матери и отца (дифференцированность образа), но и степень осведомленности о прошлой жизни родителей, характеристики эмоционального отношения подростка к матери и отцу, а также представления подростка о том, как, по его мнению, родители представляют его. Результаты беседы-описания оценивали по количеству затруднений (схематизмам, стереотипности, формальности), которые подростки испытывали при описании родителей. Затруднениями считали использование подростками одних и тех же слов, определений, сюжетов при описании матери и отца в различных обстоятельствах, ссылки на отсутствие конкретных знаний о родителях и т. д.

2. Для исследования «Образа-Я» подростков использовались:

а) модифицированный вариант теста М. Куна «20 утверждений» (тест самооотношения). Подростку предлагалось дать письменно 20 различных ответов на вопрос: «Какой я?» Степень дифференцированности и объемности образа себя определяли так же, как при исследовании образа матери и отца;

б) стандартизированные самоотчеты (шкала детской «Я-концепции» Пирса–Харриса). Обработка проводилась в соответствии со стандартами методики.

3. Особенности представлений об отношениях с родителями выявляли с помощью следующих методик:

а) опросника «Взаимодействие «родитель – ребенок» (ВРР – симметричный вариант). Обработка проводилась в соответствии со стандартами методики;

б) структурированного интервью, разработанного нами для определения преобладающих типов взаимоотношений членов семьи и позиций по отношению друг к другу.

Интервью проводили индивидуально с каждым подростком и фиксировали с помощью диктофона.

Интервью включало следующие вопросы:

1. Что ты делаешь, как ты себя ведешь, когда видишь свою маму очень веселой и довольной?

2. Что ты делаешь, как ты себя ведешь, когда видишь своего папу очень веселым и довольным?

3. Что мама обычно делает, когда видит тебя веселым и довольным?

4. Что папа делает, когда видит тебя веселым и довольным?

5. Что ты делаешь, как ты себя ведешь, когда видишь свою маму грустной, уставшей?

6. Что ты делаешь, как ты себя ведешь, когда видишь своего папу грустным, уставшим?

7. Что мама обычно делает, когда видит тебя грустным, уставшим?

8. Что папа делает, когда видит тебя грустным, уставшим?

Структурированное интервью обрабатывали путем отнесения каждого ответа подростка к одной из четырех позиций.

Эгоистическая позиция. Действия подростка или родителя направлены на удовлетворение своих потребностей. Пример: «Если мама веселая и довольная, то я сразу прошу у нее купить мне диск или кассету»; «Если папа уставший, грустный, я стараюсь ему не попадаться на глаза, чтобы он не оставил меня убираться или делать уроки».

Отстраненная позиция. Действия подростка или родителя направлены на избегание отношений и близкого эмоционального контакта. Пример: «Если мама грустная, то я не буду ее ни о чем спрашивать, просто пойду заниматься своими делами»; «Если я веселый, папа ничего не делает, он просто смотрит телевизор, как всегда, а я делаю уроки».

Действенная позиция. Подростки или родители предлагают свою помощь. Пример: «Если мама грустная, то я налью ей чай, помою за нее посуду, постелю постель»; «Если я веселая, то мама предложит мне вместе погулять, а потом поможет сделать уроки».

Эмоционально-поддерживающая позиция. Подростки и родители поддерживают и ободряют друг друга. Пример: «Когда папа приходит грустный, я сразу к нему подбегаю, спрашиваю, что случилось, обнимаю и стараюсь развеселить»; «Если я прихожу веселый, то мама радуется за меня, говорит, что я молодец, хвалит за оценки». К этому типу также были отнесены ответы, в которых подростки использовали слова *любимая, любящая, родная, милая* и т. п.

Статистическая обработка. Степень взаимозависимости показателей определяли при помощи коэффициента корреляции Спирмена. Величины коэффициентов корреляции сравнивали с помощью z-преобразования Фишера. Значимость различий проявления признаков в разных группах подсчитывали по критерию χ^2 Пирсона, $df = 1$ и точному критерию Фишера.

Результаты

Образ родителей. Статистическая обработка данных модифицированного варианта теста «20 утверждений» М. Куна показала, что при письменном описании родителей степень детальности и дифференцированности образа матери имеет статистически значимые отличия от степени дифференцированности образа отца ($\chi^2 = 5,813$ при $p = 0,01$). Подростки нашей выборки описывают своих матерей более детально и дифференцированно, чем отцов.

Данные, полученные из беседы-описания родителей в предложенных обстоятельствах, свидетельствуют о том, что 40 % подростков (12 человек) испытывают значительные затруднения при описании матери и 63,4 % подростков (19 человек) – при описании отца. Хорошую осведомленность о прошлой жизни родителей и отсутствие трудностей при их описании обнаружили 60 % подростков (18 человек) при описании матери и 36,6 % подростков (11 человек) при описании отца. Статистическая обработка данных показала, что количество затруднений, которые испытывают подростки, значительно не отличается в описаниях матери и отца ($\chi^2 = 2,402$ при $p = 0,12$). Таким образом, подростки нашей выборки в одинаковой степени испытывают недостаток знаний о прошлой жизни как матерей, так и отцов.

По итогам качественной обработки данных, полученных по модифицированному варианту теста М. Куна «20 утверждений», мы выявляли наиболее часто употребля-

Таблица 1

Особенности образа родителей у подростков

Параметры	Описание родителей в модифицированном варианте теста «20 утверждений» М. Куна	
	Дифференцированность образа	Недифференцированность образа
Описание матери	53,3 %; 16 человек	46,7 %; 14 человек
Описание отца	20 %; 6 человек	80 %; 24 человека

емые подростками параметры для описания отцов и матерей. Выделение характеристик, которые подростки чаще других используют для описания родителей, и последующее их ранжирование по степени частоты употребления показали, что для описания как матери, так и отца бóльшая часть подростков в первую очередь говорит об особенностях их характера и внешности.

Статистическая обработка результатов теста «20 утверждений» не выявила существенных различий в степени дифференцированности образов родителей между мальчиками и девочками. (Точный критерий Фишера для образа матери: $p = 0,137$; для образ отца: $p = 0,349$.)

Различия в степени дифференцированности образов родителей между группами подростков 11–12 лет и подростками 13–14 лет также обнаружены не были. (При описании матери $\chi^2 = 0,0056$ при $p = 0,94$; при описании отца точный критерий Фишера $p = 0,20$.)

Оказалось, что уровень дифференцированности и объемности образа себя, образа матери и образа отца (количество параметров, которые использует подросток для описания себя и своих родителей) не связан с количеством слов, называемых подростком при описании себя, матери и отца (дифференцированность образа себя и количество слов, употребляемых для описания себя: $R_s = 0,23$; $p = 0,2$; дифференцированность образа матери и количество слов, употребляемых при ее описании: $R_s = 0,36$; $p = 0,04$; дифференцированность образа отца и количество слов, употребляемых при его описании: $R_s = 0,48$; $p = 0,07$)*. Подростки могут использовать большое количество слов, имеющих отношение только к одной или двум категориям. Или, наоборот, называя минимальное число определений, описывать родителей с различных сторон. Например, Егор Ш. (12 лет) так описывает свою мать: «Моя мама – красивая, высокая, длинноволосая, с голубыми глазами, доб-

рая, ласковая, заботливая, хорошо ко мне относится, любит меня, помогает делать уроки». Все определения подходят под описания внешности и отношений к подростку. А л ь б е р т С. (12 лет): «Моя мама хорошо готовит, добрая, помогает мне в уроках, красивая, любит собак». Подросток описывает умения, увлечения, внешность, характер матери, а также ее отношение к нему.

Чтобы исключить влияние индивидуальных особенностей и уровня развития речи подростка на полноту существующего у него образа родителей, мы сравнили степень дифференцированности образа отца, образа матери и образа себя. При условии, что степень дифференцированности образа себя и родителей связана с уровнем развития речи подростка, мы должны были бы получить сходные по значимости коэффициенты корреляции. Корреляционный анализ показал следующие результаты: связь между образом матери и образом себя: $R_s = 0,57$; $p = 0,001$; связь между образом себя и образом отца: $R_s = 0,31$; $p = 0,09$, т. е. связь образа себя с образом матери достоверно более тесная, чем с образом отца (z -преобразование Фишера; $t = 4,41$; $p < 0,0005$). Исходя из полученных показателей, гипотеза о равенстве коэффициентов корреляции может быть отброшена. Это позволяет нам предположить, что индивидуальные особенности речи подростка не связаны с особенностями образа отца и матери.

Отношения с родителями. Результаты методики ВРП свидетельствуют о том, что 56,6 % подростков (17 человек) нашей выборки показали удовлетворенность своими отношениями с матерями, а 43,4 % подростков (13 человек) расценивают свои отношения с матерями как конфликтные и эмоционально отстраненные. Эмоционально близкие отношения с отцом имеют 30 % подростков нашей выборки (9 человек), а 70 % (21 человек) испытывают недостаток эмоционального общения с отцами и не удовлетворены такой ситуацией.

* Коэффициент корреляции Спирмена.

Особенности образа матери у подростков, удовлетворенных и не удовлетворенных своими отношениями с матерями (%)

Подростки	Наличие таких слов, как <i>любимая</i> , <i>родная</i> и т.п.	Отсутствие таких слов, как <i>любимая</i> , <i>родная</i> и т.п.	Тест «20 утверждений»		Описание родителей в предложенных обстоятельствах	
			Дифференцированность образа	Недифференцированность образа	Полнота, эмоциональность описания	Формальность, бедность описания
Удовлетворенность отношениями (17 человек)	70,5	2,59	76,4	23,6	82,4	17,6
Неудовлетворенность отношениями (13 человек)	15,3	84,7	23,0	77,0	38,5	61,5

Как видно из табл. 2, подростки, представляющие свои отношения с матерями как эмоционально близкие и удовлетворяющие их, во-первых, описывают мать более дифференцированно, полно, с помощью различных параметров. (Различия между группами статистически значимы. При письменном описании матери $\chi^2 = 6,429$ при $p = 0,01$.) Во-вторых, в описании матери они используют категории, характеризующие ее как любящую, близкую, любимую и т. п. ($\chi^2 = 6,938$ при $p = 0,008$). В-третьих, затруднения при описании матери в предложенных обстоятельствах испытывали только 17,6 % (3 человека) подростков этой группы, что свидетельствует о большей осведомленности о прошлой жизни матерей (возможность представить ее в конкретных обстоятельствах) у подростков, удовлетворенных отношениями с матерями. (Различия между группами статистически значимы. Точный критерий Фишера $p = 0,01$.)

Подростки, не удовлетворенные своими отношениями с матерями, как правило, имеют обедненный, уплощенный образ матери, чаще испытывают затруднения в опи-

сании матери в предложенных обстоятельствах (61,5 %; 8 человек), а также редко используют в описании матери такие слова, как *любимая*, *родная*, *близкая* и т. п.

Как видно из табл. 3, подростки, представляющие свои отношения с отцами как эмоционально близкие и удовлетворяющие их, во-первых, склонны описывать отца более дифференцированно, полно, с помощью различных параметров. (Различия между группами статистически значимы, точный критерий Фишера $p = 0,049$.) Во-вторых, в описании отца в предложенных обстоятельствах только один подросток из этой группы испытывал недостаток знаний о прошлой жизни отца. (Различия между группами значимы. Точный критерий Фишера $p = 0,0002$.) Что касается употребления в описании отца таких слов, как *любимый*, *родной* и т. п., то статистическая обработка не показала существенных различий между группами удовлетворенных и не удовлетворенных своими отношениями с отцами подростков. (Точный критерий Фишера $p = 0,527$.)

Подростки, не удовлетворенные своими отношениями с отцами, как правило, име-

Таблица 3

Особенности образа отца у подростков, удовлетворенных и не удовлетворенных своими отношениями с отцами (%)

Подростки	Наличие таких слов, как <i>любимая, родная</i> и т. п.	Отсутствие таких слов, как <i>любимая, родная</i> и т. п.	Тест «20 утверждений»		Описание родителей в предложенных обстоятельствах	
			Дифференцированность образа	Недифференцированность образа	Полнота, эмоциональность описания	Формальность, бедность описания
Удовлетворенность отношениями (9 человек)	44,4	55,6	44,4	55,6	88,8	11,2
Неудовлетворенность отношениями (21 человек)	38,0	62,0	9,5	90,0	14,2	85,8

ют обедненный, уплощенный образ отца, чаще испытывают затруднения при описании отца в предложенных обстоятельствах (85,8 %; 18 человек) и столь же часто, как и подростки, удовлетворенные своими отношениями с отцами, используют в описании такие слова, как *любимый, родной* и т. п. (38,8%; 8 человек).

Соотнеся данные, полученные по методикам ВРР (диады «мать – подросток»), по тесту «20 утверждений» М. Куна, структурированному интервью и шкале детской «Я-концепции» Пирса–Харриса, мы условно разделили всех подростков на три группы.

Первая группа. Благоприятные отношения с матерями. Мнения матерей и подростков об отношениях совпадают (11 пар; 37 %), т. е. отношения эмоционально близкие, положительные, симметричные.

Вторая группа. Неблагоприятные отношения с матерями. Мнения подростков и матерей об отношениях совпадают (8 пар; 26 %), т. е. отношения эмоционально отстраненные, отрицательные, симметричные.

Третья группа. Несимметричное, несопадающее представление об отношениях. Мнения матерей и подростков об отношениях не совпадают (11 пар; 37 %). В этом случае можно выделить два варианта. Первый – подростки оценивают свои отношения с матерями как благоприятные, в то же время матери оценивают свои отношения с ребенком как негативные, эмоционально отдаленные (6 пар; 54,5 %) – подгруппа А. Во втором случае подростков могут не устраивать их отношения с матерями, а матери, наоборот, могут быть полностью удовлетворены ими (5 пар; 45,5 %) – подгруппа В.

Подростки из первой группы (с взаимно положительными представлениями об отношениях) в письменном описании родителей чаще всего используют такие слова, как *любовь, забота, душевная теплота* (90,9 % этой группы). В интервью подростки демонстрируют эмоционально-поддерживающую позицию во взаимоотношениях с матерями, т. е. говорят об эмоциональной поддержке, которую они оказывают друг другу (81,8 %). Образ матери у подро-

сков с благоприятными отношениями с родителями (тест «20 утверждений») более дифференцирован и объемный (90,9 %). Подростки этой группы относятся к себе как к компетентным, умелым, красивым и успешным людям (шкала детской «Я-концепции» Пирса–Харриса), т. е. имеют положительный «Образ-Я» (90,9 %).

Подростки из второй группы (считающие свои отношения с отцом и матерью неблагоприятными, такое же представление характерно и для их родителей) в письменном описании матери используют такие слова, как *любимая, близкая, заботливая*, только в 25,0 %. В интервью лишь 37,5 % подростков упоминают о взаимной поддержке и эмоциональной близости. 50 % подростков этой группы демонстрируют в своих ответах действительную позицию. Дифференцированный, насыщенный и объемный образ матери (тест «20 утверждений») существует лишь у 25,0 % подростков, положительный «Образ-Я» (шкала детской «Я-концепции» Пирса–Харриса) имеют только 25,0 % подростков этой группы.

Подростки из третьей группы (с противоречивыми, несимметричными отношениями) демонстрируют самый низкий процент в употреблении таких слов, как *любимая, любящая, близкая* (только 1 человек из подгруппы А и 1 человек из подгруппы В). В интервью лишь 27,2 % (3 человека из подгруппы А., 0 человек из подгруппы В) упоминали об эмоциональной поддержке. В основном подростки этой группы в своих ответах ориентируются на действительную и эгоистическую позиции (по 35,3 % соответственно). И также только 3 человека (в подгруппе А – 2 человека; в подгруппе В – 1 человек) из этой группы имеют дифференцированный, объемный образ матери. При этом положительное отношение к себе (шкала детской «Я-концепции» Пирса–Харриса) показали 81,8 % (всего 9 человек; в подгруппе А – 5 человек; в подгруппе В – 4 человека) подростков. Таким образом, почти все подростки из этой «противоречивой» группы обнаружили положительный «Образ-Я».

Обсуждение результатов

Дифференцированность образа родителей. По результатам нашего исследования оказалось, что подростки, давая письменную характеристику родителей, более детально и дифференцированно говорят о матери, чем об отце, образ отца, как правило, недифференцирован и эмоционально обеднен. При описании отца и матери в предложенных обстоятельствах степень осведомленности о прошлой жизни матери, способность представлять ее в какой-то конкретной ситуации, воссоздавать ее образ не отличается от степени осведомленности о прошлой жизни отца и способности представлять его в конкретной ситуации.

Ранжирование наиболее часто употребляемых категорий для описания матери и отца показало, что в описании матери подростки больше похожи друг на друга, чем в описании отца. Говоря о матери, в качестве основных категорий подростки используют только ее характер, внешность и специфику материнского отношения к подростку. Говоря об отце, помимо характера, отношений и внешности подростки чаще ставят на первое место описание работы отца, его увлечения и ум. Возможно, это связано с тем, что восприятие роли матери подростками обычно более схоже. Как правило, все подростки нашей выборки, описывая мать, говорят об отношениях с ней, о ее характере и внешности, что может свидетельствовать о большей роли матери в воспитательном процессе и большей эмоциональной близости в отношениях с подростком. То есть мать для подростка, прежде всего, фигура, воплощающая стабильность и эмоциональные связи. В то же время отец в разных семьях воспринимается по-разному. Для одних подростков он является человеком, зарабатывающим деньги, для других – эталоном ума или силы, для третьих – человеком, который воспитывает, и т. п.

Оказалось, что уровень дифференцированности образов матери и отца не зависит от возраста, пола и индивидуальных

особенностей речи подростков. Возрастные изменения касаются степени адекватности воспринимаемого поведения родителей, точности распознавания их эмоциональных состояний и отношения к подростку [1, 8]. Объемность и дифференцированность образа родителей, по нашему мнению, зависит от особенностей общения подростка с родителями. Если общение многогранно, т. е. в равной степени включает в себя эмоциональный, информационный и поведенческий аспекты, то у подростка появляется опыт восприятия своих родителей в различных обстоятельствах. Это, в свою очередь, формирует многогранное представление о родителях, которые предстают перед подростком одновременно разными сторонами. Поэтому он начинает воспринимать их и более детально, и целостно, эмоционально насыщено и дифференцированно. Образ матери и отца наполняется конкретным, чувственным содержанием. Причем содержанием, не только связанным с его теперешней жизнью, но и с теми переживаниями, воспоминаниями и событиями, которые приходят, как бы «экстраполируются» из прошлого раннего опыта.

Косвенно подтверждает отсутствие связи между дифференцированностью образов родителей и индивидуальными особенностями речи подростков следующий факт. Уровень дифференцированности при описании подростком себя и матери обычно одинаков. Сходство в описаниях себя и отца, как правило, отсутствует. Таким образом, одни и те же подростки показывают различную степень отождествления себя с отцом и матерью независимо от пола. Вероятно, высокое соотношение между представлениями о себе и представлениями о матери может свидетельствовать о том, что интроецированный образ матери, оставаясь неосознанным, в большей степени определяет формирование «Я-реального» подростка. Отождествление с отцом происходит значительно реже, что, вероятно, объясняется более отстраненными и отчужденными отношениями подростков нашей выборки со своими отцами. Отец либо олицетворяет идеальный

образ, т.е. идентификация с ним происходит на другом уровне, определяя в большей мере формирование «Я-идеального», либо степень его автономности такова, что он просто «актуально» не представлен подростку.

Удовлетворенность отношениями с родителями. Подростки, удовлетворенные отношениями с матерями, описывают их более дифференцированно и используют такие слова, как *любимая, любящая, близкая* и т. п. Подростки, не удовлетворенные своими отношениями с матерями, имеют уплощенный, недифференцированный образ и редко используют в описании матери такие слова, как *любимая, родная, любящая* и т. п. Подростки, удовлетворенные своими отношениями с отцами, описывают их более дифференцированно и полно, чем подростки, испытывающие недостаток в эмоционально близких отношениях с отцами. Однако употребление таких слов, как *любимый, родной, близкий*, не зависит от степени удовлетворенности отношениями с отцами, что можно объяснить особенностями нашей культуры, для которой характерно удовлетворение эмоциональных потребностей в отношениях с матерью. Мы предполагаем, что полнота, дифференцированность образа матери и отца у подростков во многом зависят от характера и объема знаний о родителях. В свою очередь, характер и объем знаний, которые получает подросток о родителях, находятся в непосредственной связи с характером и эмоциональной насыщенностью этих отношений. Необходимо отметить, что под эмоциональной близостью отношений с родителями мы понимаем партнерские, положительные и эмоционально наполненные отношения, а не симбиотическое слияние родителя и ребенка. Подобное слияние мешает осознанию черт и качеств характера родителей, что, в свою очередь, как и в случае отстраненных отношений, может приводить к обеднению и уплощению образа родителей. Следовательно, чем больше подросток знает о своих родителях, чем больше подробно

стей из их жизни ему известно, чем чаще родители предстают перед ним как обычные люди, имеющие свои недостатки и достоинства, чем шире и дифференцированнее у подростка образ матери и отца, тем менее разрушительными и деструктивными оказываются неизбежные в этом возрасте конфликты с родителями.

Итак, как было показано выше, всех подростков можно условно разделить на три группы:

подростки, имеющие благоприятные отношения с родителями;

подростки, имеющие неблагоприятные отношения с родителями;

подростки, имеющие противоречивые отношения с родителями.

Полученные данные свидетельствуют о том, что при благоприятных отношениях с родителями у подростков формируется позитивный и «многомерный» образ себя и своих родителей. При негативных, конфликтных отношениях большинство подростков имеют эмоционально обедненные, уплощенные представления о родителях, для них характерны недовольство собой и негативный «Образ-Я».

Наибольший интерес вызывают данные, полученные в исследовании подростков третьей группы (противоречивые, несимметричные отношения). При несимметричных отношениях с родителями у подростков также формируются эмоционально обедненные, уплощенные представления об отце и матери, однако «Образ-Я» у подростков этой группы позитивный. Можно предположить, что данный факт является следствием нескольких причин. Во-первых, подростки из этой группы могут обладать низким уровнем чувствительности, эмпатии, что не позволяет им адекватно воспринимать характер отношений со своими родителями и напрямую сопряжено с односторонними, эмоционально бедными представлениями о них. Во-вторых, их родители также могут быть малочувствительными к характеру отношений с подростками. В-третьих, несовпадение представлений об отношениях между родителями и подростками может быть следствием

отрицания одной из сторон конфликтности и деструктивности этих отношений (это отрицание выполняет защитную функцию), что приводит как к нарушению коммуникации, так и нарушенной коммуникации, которая, в свою очередь, также может приводить к несоответствию представлений об отношениях между подростками и их родителями. Следует отметить высокий процент подростков в этой группе с положительным «Образом-Я» (шкала детской «Я-концепции» Пирса–Харриса). Возможно, что даже представление хотя бы одной стороны об отношениях как партнерских и эмоционально близких (либо подростка, либо родителя) является некоторым ресурсом, делающим возможным формирование положительного «Образа-Я» подростка.

Анализ полученных результатов позволяет заключить, что подростки, оценивающие свои отношения с родителями как благоприятные, имеют дифференцированные, эмоционально насыщенные, многомерные представления о своих родителях. У подростков, оценивающих отношения с родителями как неблагоприятные, конфликтные, существует недифференцированный, уплощенный образ матери и отца. Эти данные подтверждают предположение о существовании определенного соотношения между характером образа родителей (матери и отца) со стороны их эмоциональной насыщенности, содержательной полноты и многомерности и представленностью отношений с ними у подростков (со стороны их конфликтности, деструктивности и т. п.).

Литература

1. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М., 1982.
2. Божович Л.И. Проблемы формирования личности / Под ред. Д.И. Фельдштейна. М.; Воронеж, 1997.
3. Вассерман Л.И., Горьковская И.А., Ромицына Е.Е. Родители глазами подростка. СПб., 2004.
4. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. М., 1984.

5. *Знаков В.В.* Понимание в познании и общении. Самара, 2000.
6. *Карабанова О.А.* Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. М., 2004.
7. *Келли Дж.* Теория личности. СПб., 2000.
8. *Куницына В.Н.* Восприятие подростком другого человека и самого себя: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1968.
9. *Мясищев В.Н.* Понятие личности в аспектах нормы и патологии // Психология личности. Т. 2. Хрестоматия. 1999.
10. *Петренко В.Ф.* Психосемантика сознания. М., 1988.
11. Подросток на перекрестке эпох / Под ред. С.В. Кривцовой. М., 1997.
12. Психология подростка: Полное руководство / Под ред. А.А. Реана. СПб., 2003.
13. *Ремшмидт Х.* Подростковый и юношеский возраст: Проблемы становления личности. М., 1994.
14. *Розин М.В.* Представления о родителях и семейных конфликтах в неформальной подростковой субкультуре // Психология конфликта: Хрестоматия / Под ред. Н.В. Гришиной. СПб., 2001.
15. *Столин В.В.* Самосознание личности. М., 1983.
16. Фрейд А. Психология «Я» и защитные механизмы. М., 1993.

Teenager's image of parents and presentation of the relations with them

L.F. Fomitchyova,
*post-graduate student of the MSUPE,
the teacher-psychologist of the State
educational institution № 537*

The goal of the research was to reveal the correlation between representations about relations with parents, character of the image of parents and teenager's "self-image". In the research took part 30 teenagers in the age of 11 till 14 years and their mothers. The image of mother and father was revealed by the methods: modified variant of the test of 20 statements by Kun, the conversation-description of parents in suggested circumstances. To reveal "self-image" of teenagers were used: the modified variant of the test of 20 statements by Kun and standardized

self-reports (the Scale of children's "self-concept" by Pirs-Harris). The representations about the relations with parents were revealed by the methods: Questionnaire "Interaction the parent – child", the structured interview created by the author to define the prevailing types of mutual relations of family and positions towards each other. The author revealed that the teenagers who have favorable relations with the parents, have the differentiated, emotionally sated and volumetric representations about the parents. The teenagers who have bad, conflict relations with their parents, have not differentiated, poor representations about their parents. These data confirmed the correlation between the character of the image of parents and the representation of relations by teenagers.

Keywords: image, relation, interpersonal perception, "self-image", child's-parental relations, teenage age.

References

1. *Bodalev A.A.* Vospriyatie i ponimanie cheloveka chelovekom. М., 1982.
2. *Bozhovich L.I.* Problemy formirovaniya lichnosti / Pod red. D.I. Fel'dshteina. М., 1997.
3. *Vasserman L.I., Gor'kovskaya I.A., Romicyna E.E.* Roditeli glazami podrostka. SPb., 2004.
4. *Vygotskij L.S.* Sbornie sochinenii: V 6 t. T. 4. М., 1984.
5. *Znakov V.V.* Ponimanie v poznanii i obshenii. Samara, 2000.
6. *Karabanova O.A.* Psihologiya semeinyh otnoshenii i osnovy semeinogo konsul'tirovaniya. М., 2004.
7. *Kelli Dzh.* Teoriya lichnosti. SPb., 2000.
8. *Kunicyna V.N.* Vospriyatie podrostkom drugogo cheloveka i samogo sebya: Avtoref. dis. L., 1968.
9. *Myasishev V.N.* Ponyatie lichnosti v aspektah normy i patologii // Psihologiya lichnosti. T. 2. Hrestomatiya. Samara, 1999.
10. *Petrenko V.F.* Psihosemantika soznaniya. М., 1988.
11. Подросток на перекрестке эпох / Под ред. С.В. Кривцовой. М., 1997.
12. Психология подростка: Полное руководство / Под ред. А.А. Реана. SPb., 2003.
13. *Remshmidt H.* Podrostkovyi i yunosheskii vozrast: Problemy stanovleniya lichnosti. М., 1994.

14. *Rozin M.V.* Predstavleniya o roditelyah i semeinyh konfliktah v neformal'noi podrostkovoi subkul'ture // Psihologiya konflikta: Hrestomatiya / Pod red. N.V. Grishinoi. SPb., 2001.

15. *Stolin V.V.* Samosoznanie lichnosti. M., 1983.

16. *Freid A.* Psihologiya «Ya» i zashitnye mehanizmy. M., 1993.